

Он, на плечи хлопья положив,
Глянул
Мне в глаза. И горестный порыв
Канул (I, 60).

Здесь архетипы «снег» и «дорога» (в смысле жизненного пути) переплетаются:

Он <снег> ниспослан в каждое бытие
Свыше.
Снег почиет. Тише, воронье,
Тише (I, 61).

Таким образом, творчество, по Соколову, невозможно без внутренней свободы поэта, которая в художественном пространстве реализуется через устойчивые поэтические образы снега и дороги.

И. А. Казанцева

**«НРАВСТВЕННЫЙ ЗАПАС» ИСТОРИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ:
ОБРАЗ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В ЛИТЕРАТУРЕ**

Значение для истории Куликовской битвы и Великой Отечественной войны 1941-1945 годов всегда справедливо сопоставляется. Духовный смысл побед проявляется через обращение к образам исторических личностей, которые, не стремясь войти в историю, стали частью «нравственного запаса» (В. Ключевский) нации. Как замечает в предисловии к своей книге «Русские Святые» В. Крупин: «Разве могла бы она (Россия – И. К.) выстоять в трудные периоды истории, не будь у нее праведников! Разве случайно в тяжелейшую осень 1941 года с самой высокой трибуны страны раздались имена Александра Невского, Димитрия Донского! А ведь это были не просто русские князья, полководцы – то были

люди, причисленные к лику Святых»¹. Жития Дмитрия Донского, Александра Невского и других русских полководцев воплощают мысль писателя о том, что созвучно православной душе – жертвенность, готовность отдать жизнь «за други своя». Показывая влияние на историю молитвенников за Россию, В. Крупин обращается к образам особо чтимых русских святых. Так, воспоминание о Димитрии Донском рождает в памяти образ Сергия Радонежского, благословившего полководца на битву. События XIV и XX удивительно соприкасаются. Во время Великой Отечественной войны прославилась танковая колонна «Дмитрий Донской», среди танкистов которой были монахи Троице-Сергиевой лавры.

В создании образа преподобного Сергия у В. Крупина были великие предшественники – Б. Зайцев и И. Шмелев. Б. Зайцеву в повести «Преподобный Сергий Радонежский» важно было запечатлеть, что в Сергии воплощено «глубокое созвучие народу, великая типичность – сочетание в одном рассеянных черт русских»². Он отбирает и компокует материал о жизни святого в соответствии со своими задачами. Рассказывая о детских годах отрока Варфоломея, Б. Зайцев выстраивает оппозицию, которая становится структурообразующим принципом произведения. Природа русской святости противопоставляется западной. Соблюдение одной из основных ветхозаветных заповедей выражается Сергием в естественном и спокойном почитании родителей. Отказываясь от бунта, в отличие от Франциска Ассизского, Варфоломей предстает не ребенком, но удивительно мудрым и прозорливым человеком, вверившим себя Божьему Промыслу. Если Блаженный из Ассизи отрицал мирское, суетное, несущественное, куда включал не только отношение к родным, но и труд, то Сергий был «святым плотником». Эта сквозная метафора указывает на непосредственную связь с Богом и с земным трудом. Писатель делает предположение о том, что «Сергий, очевидно, выделяет деятельность

¹ Крупин В. Н. Русские Святые. М., 2006. С. 7. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

² Зайцев Б. К. Сочинения: В 3 т. Т. 2. М., 1993. С. 29. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

духовную, водительную, от житейских отношений» (2, 31). Таким образом реализуется уже заявленная склонность Сергия к «тихому деланию», желание ничем не выделяться. Вероятно, отсутствие экстатичности делало характер Сергия светлым и ненадломленным, позволяло ему смирением побеждать бунт. Последовательно изображая истоки характера русского святого, Б. Зайцев не случайно показывает сначала близкий круг, отношение к родным, затем игуменство, государственную деятельность.

«Умное делание» Сергия воплотилось в рублевской Троице, написанной по заказу игумена Троицкого монастыря Никона «в похвалу Сергию Чудотворцу». Молитвенно-созерцательная практика исихазма (в контексте которого толкуется творчество Андрея Рублева), учение о Фаворском свете и обожении раскрыли новые возможности для иконописи. Образ Троицы, созданный Рублевым, воплощает настроения, очень близкие по духу сергиевским, несмотря на то, что исихазм пришел в Россию позже. Так, показывая Преподобного, благословляющего Дмитрия на брань, Б. Зайцев отмечает, что Сергей предлагает испробовать все мирные пути. Силой духа, а не силой оружия должны были побеждать Ослябя и Пересвет, идущие в бой без оружия, в монашеской одежде вместо доспехов. Победа на Куликовом поле была предречена уже в момент благословения Сергия. Тихой молитвой вершилось правое дело.

В творчестве И. Шмелева образ Сергия Радонежского возникает неоднократно. Например, в «Богомолье» для ребенка чудо Преподобного является через восприятие близкого ему по духу воспитателя Горкина, выражается оно в конкретном, бытовом (тележка Аксенова «приводит» паломников на ночлег). Для взрослого Шмелева то же детское восприятие чуда остается в рассказе «Куликово поле», но средства художественного воплощения реальности чуда иные. Оба произведения объединяет мысль о том, что у Бога все живые. В рассказе И. Шмелев психологически достоверно в форме следствия разворачивает «дело» о чуде, в процессе участвуют свидетели, защита, обвинение. Среднев, потомок воина дружины Дмитрия Донского, продает свое имение (находящееся, согласно преданию, на самом Куликовом поле) и переезжает в Сергиев Посад, поближе к

лавре Преподобного Сергия. В интерпретации И. Шмелева это не случайные совпадения, а воплощение Божьего Промысла. Следовательно, узнав часть истории о встрече Суховым старичка, взявшегося передать найденный Василием крест Средневым, становится участником второй части уже в переименованном в Загорск Сергиевом Посаде. Промыслительной оказывается встреча с двумя учеными, один из которых любимый ученик историка Ключевского – Сергей Иванович, а второй – Василий Степанович, профессор, предлагающий свою интерпретацию исторического этюда Ключевского «Значение преподобного Сергия для русского народа и государства». По мысли Василия Степановича, помешательство Сергея Ивановича («вроде юрода», как определяют его нынешнее состояние окружающие) связано с неправильным пониманием учеником статьи своего учителя. Те строки, на которые есть аллюзии в тексте Крупина, у И. Шмелева комментирует встреченный непосредственно до общения со Средневым профессор Василий Степанович. Приводя слова Ключевского: «Ворота Лавры затворятся и лампы погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим этот (нравственный – И. К.) запас без остатка, не пополняя его» (3, 69), Василий Степанович утверждает нерастраченность нравственного запаса, настаивает на временном закрытии лавры. «Свой «запас нравственный» он (народ – И. К.) несет, и, в страдании, пронесет его и – сполна донесет до той поры, когда ворота Лавры растворятся, и лампы затеплятся... – залог дей-стви-тельный!..» (3, 69). Встреча с бывшим учеником Ключевского и Василием Степановичем – первые впечатления следователя от Загорска, предваряющие описание чуда явления самого Сергия Радонежского. Промыслительность всех этих событий оттеняется композиционно. Во второй части повествования в реальности чуда Среднева убеждает то, что день явления Преподобного совпал со встречей Васи Сухова со старцем на Куликовом поле. Причем, что важно для Среднева и следователя, И. Шмелев использует для убеждения своего героя материальное подтверждение и добивается достоверности (продовольственные карточки с датой). Неверие посрамлено, только чудом можно объяснить почти одновременное пребывание старца в двух отдаленных точках.

Время в произведениях является «иконой вечности» (В. Лепяхин), поэтому хронология не случайна, как, вероятно, и даты обращения к личности преподобного Сергия в художественных произведениях Б. Зайцева и И. Шмелева. Рассказ И. Шмелева, датированный 1939 – 1947 годами, повествует о событиях 1925 года, годом ранее опубликован рассказ Б. Зайцева. Возможно, связано это и с открытием в Париже русского церковного подворья, получившего имя Преподобного Сергия, в 1924 году и с общим переживанием судьбы православия в оставленной России, для которой образ Сергия воплощал объединительное и утешительное начало. Символично, что именно в трудные военные и первые послевоенные годы И. Шмелев обращается в своем рассказе к образу Преподобного и Куликовской битве. Война XX века переживается как испытание, в котором духовной опорой могло стать прошлое в лице ее святых. Достаточно сложное отношение И. Шмелева к Великой Отечественной войне и его деятельность в это время не исключают веры в свое Отечество, в Святую Русь. Если в 20-е годы, по верному утверждению А.М. Любомудрова, «Шмелев остается далек от мистической и догматической стороны христианства»¹, то во время написания рассказа дело обстоит иначе.

Эонотопос, свойственный православному пониманию времени и пространства, как и «древнерусский» (Д.С. Лихачев) взгляд на историю, утверждающий мысль «не в силе Бог, но в правде», отличает и В. Крупина. Образ преподобного возникает уже в повести «Великорецкая купель» в контексте преображения главного героя, узнающего, как в трудные для России времена Сергей Радонежский благословил на битву Ослябю и Пересвета. В житиях В. Крупин воплощает не только общее значение святого, но и личное соприкосновение со святостью и уроки этой встречи, что составляет специфику повествования. В композиционном плане это выливается в наличие экспозиций, которые обычно посвящены личным ощущениям от встречи со святостью и обращены к душе и личности каждого читателя, идущего по пути воцерковления.

¹ Шмелев И. С. Повести и рассказы. М., 2007. С. 69. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

Так, начиная повествование о Сергии Радонежском, В. Крупин пишет: «Чтобы представить себе, что такое Святость, молитвенность, вера православная, надо обязательно приехать в лавру преподобного Сергия – в Сергиев Посад... Среди тревог жизни, среди повседневной суеты как защемит вдруг сердце, как потянет к преподобному! К нему, к великому печальнику за нас, за землю Русскую, к нему хочется принести свои горести, сомнения, беды, ему излить свое сердце, укрепить свою душу и вернуться к своим делам, зная, что есть в России спасительное место, благодаря которому живет наша Отчизна» (1, 130). В соответствии с житийной традицией В. Крупин описывает детство отрока Варфоломея, чудесные события до его рождения и первых лет жизни, одно из которых встреча и напутствие святителя Николая. Писатель делает акцент на обычаях, свойственных православию. Следствием иконичности времени и пространства становится то, что современность тесно связана с ее молитвенным прошлым. В. Крупин расширяет рамки повествования соотносимыми с житийным упоминанием о посмертных чудесах примерами заступничества святого за Россию (в смутное время XVII века защитил монастырь от польско-литовских войск, повелел новгородскому купцу Козьме Минину собирать народное ополчение, явившись Наполеону в Москве в 1812 году, заставил императора спастись бегством и др.). Молитвенное заступничество в Отечественной войне 1812 года продолжается в Отечественную войну XX века. Заглавием итоговой части «Светильник над землей русской» В. Крупин продолжает диалог во времени с Ключевским. Писатель развивает образ неугасимости света веры преподобного Сергия, предложенный царградским епископом в передаче Епифания. Образ «светильника» незримо освещает страницы повествования. Метафора света квозная в характеристике преподобного у всех трех писателей. Художественные средства, используемые Б. Зайцевым, убеждают, что приглушенный свет икон Рублева соотносится с символикой образа преподобного в повести. Определение «тихий» по отношению к образу преподобного становится ключевым у всех писателей, воплощая устойчивую житийную традицию в передаче образа святого. В своем повествовании В. Крупин

использует ряд ключевых эпизодов из жизни святого, отдавая предпочтение тем, что иллюстрируют молитвенное заступничество Сергия за Отечество в истории России. Прием выделения курсивом и вынесение ключевых фрагментов в отдельные абзацы текста используется автором во всей книге. В данном жизнеописании выделены лирическое отступление автора-паломника, переживающего блаженные минуты в тишине Троице-Сергиевой Лавры, воскрешение преподобным Сергием мальчика, чудо-предсказание будущей роли Сергия в истории России, указание роли святого в духовной жизни России (создание монашеского общежития).

Таким образом, объединяет все три художественных образа преподобного Сергия мысль Ключевского: «Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятниками деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество... Они питают не народное самомнение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга»¹. История для всех – это история святости. И. Шмелев устами своего героя цитирует статью Ключевского, В. Крупин косвенно апеллирует к образам историка. Сопоставимо влияние преподобного на личность у обоих авторов. У И. Шмелева рассказчик-«малOVER», напоминающий раннего автора, у В. Крупина – он сам и читатель, идущий по пути воцерковления. По жанру отчетливо проявляется сходство произведений Б. Зайцева и В. Крупина. Определение «жизнеописание», «житие» (А. Любомудров), примененное к «Преподобному Сергию Радонежскому», можно отнести и к произведению В. Крупина. У современного автора житие – часть цикла жизнеописаний русских святых, имеющая самостоятельное значение и реализующая замысел всей книги (показать влияние святого не только на ход истории, национальную культуру, но и на духовное становление частного человека). Все писатели разными художественными средствами акцентируют внимание на национальном своеобразии святого (Б. Зайцев сопоставляет его с Франциском Ассизским, герой И. Шмелева цитирует этюд Ключевского, В.

¹ Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 106.

Крупин указывает на православную природу поступков преподобного). Композиционное решение и выбор точки зрения Б. Зайцевым апеллируют к общенациональному в патриотическом чувстве, у И. Шмелева – к личному «возрождению», у В. Крупина оба начала равноценны. Все три писателя показывают роль Божьего Промысла. У И. Шмелева она подчеркнута сцеплением всех сюжетных событий, в итоге приведших к «великому знамени обетования». У Б. Зайцева и В. Крупина экспозиция и развязка согласуются в прославлении святого, хранящего Россию. Все три писателя используют сквозные образы света (светоч, лампада, светильник, вечерний свет) в создании образа Сергия. Эпотонос всех трех писателей иллюстрирует единение земного и небесного, возможность по Божьему Промыслу наступления мига «будто время пропало». В исторической перспективе «чудо повторится» у И. Шмелева превращается в «чудо повторяется» у В. Крупина. Характерные житийные указания на символичность даты битвы на Куликовом поле (Рождество Богородицы, первое событие евангельской истории) организуют время всех произведений. Указывается на промыслительность и символичность и других дат. Например, явление святого у И. Шмелева происходит в канун Димитриевской субботы и одновременно перед революционным праздником, истории празднования святой субботы В. Крупин посвящает главу жизнеописания Сергия.

Итак, художественное воплощение мысли о «нравственном запасе», который прирастает благодаря русской святости, находит подтверждение и развитие у писателей-классиков XX века и у современников.